

Война с поликанией

Будильник резко вспорол сознание. Ещё не раскрыв глаз и морщась, Президент нашарил рукой на тумбочке кнопку механического петуха и оборвал болезненный звук. Мозг под остатками волос и капроновой сеточкой вокруг головы мягко шевельнулся, всколыхнув первую мысль. Мысль эта напомнила Президенту вчерашний вечер и поздний приём в его дворце. Слово «приём» отозвалось особой надсадной болью и памятью о далёкой юности, когда нынешний владыка шестой части мира дергал рычагами колхозного трактора и любил прикладываться к рюмке. Но тут уже не просто мысль, а целая зрительная картинка расцвела под черепной коробкой и высветила громадный зал под ослепительными люстрами, элегантную публику. Посол Поликании держит тюльпанчик высокого фужера и горячо заверяет Президента в дружбе и добрососедстве двух великих держав. «Наши общие успехи в космосе, - утверждает посол, - являют залог благополучия наших народов. Уверен, что общая космическая база на Марсе поможет обеим странам обеспечить потребность в рении и осмии, без которых совокупная военная мощь наших ядерных арсеналов может оказаться слабее, чем у противников из Соединённой Американской Коморры». Почти насильно влила в Президента порядочный фужер «на брудершафт» посол Изгонии София Раиль, настаивавшая на скорейшем узаконивании безвизового режима между двумя странами, негодница...

Собственно, ещё отходя ко сну и с трудом обводя осоловелыми глазами свою холостяцкую квартиру, Президент уже морщился от боли в голове. «Скверно, брат. Пора избавиться от плебейской привычки мешать пиво и бренди». Ему ещё хватило сил накрутить пружину механического будильника. Очень жаль, что боль не оставила и поутру. «Лечиться рюмкой не стану, анальгин пить не буду!» - решил Президент и открыл глаза. Он опустил ноги в полосатых брюках пижамы, пошарил правой ступней под кроватью. Тапочек не достал. Видимо, забились вглубь. Открыл глаза и увидел будильник на тумбочке.

Это был не его будильник. С тумбочки на Президента нагло паялилось мигающее электрическое табло. «Накручу коменданту за своеволие! Старый будильник поднимал меня с постели и в деревне, и в студенческие годы. И когда послом был в Американской Коморе - туда его тоже аккредитовал, как друга... Значит, пока я спал, ко мне входили без разрешения. «Бар-р-р-дак!!» Рука потянулась к круглой красной кнопке вызова коменданта на телефонном столике. Подушечка пальца почувствовала неладное уже по сопротивлению кнопки. Глянул мельком и ещё больше разозлился: кнопка за ночь из красной и круглой обернулась зелёной и квадратной. Да и в комнате плавал еле обозначенный запах сигар, хотя Президент на полную не терпел табачного дыма. Что-то как-то не по резке, как говаривал некогда токарь дядя Мишуха в их тракторном отряде, начинался новый день у Президента. А если ещё учесть, что надо поделкатнее выпроводить из соседней спальни Сонечку Раиль... Мягко уплыла в сторону створка двери и порог переступил адъютант. Он ещё не заговорил, лишь раскрыл на левой руке большую коричневую папку с документами, а у Президента от удивления едва не отвисла челюсть. Ещё вчера майор, ныне адъютант щеголял полковничьими погонами:- Это каким же макаром, - осадил Президент офицера, - вы за ночь перескочили через воинское звание? Невозмутимый адъютант из-под стопки документов в папке ловко извлёк самый нижний и развернул перед Президентом, строевым шагом подойдя к постели:- Приказом Верховного Главнокомандующего от 17 января сего года за особое отличие мне присвоено внеочередное звание. И впрямь - на приказе Президент увидел собственную подпись под гербовой печатью. «Совсем плохо. Провалы в памяти - это звоночек. Подленький, нехороший. Дальше нельзя пить ничего, крепче ряженки».- Что там за ночь стряслось, докладывайте, майор. Адъютант невозмутимо проглотил «майора» и буквально оглушил Президента:- Ночью враг в очередной раз подверг бомбардировке город и морскую базу Югостополь. К счастью, ваша супруга с детьми не пострадала, зона санаториев налётом не затронута.- Ка... кая супруга! - подпрыгнул на краю кровати Президент и невольно проследил за

направлением взгляда адъютанта. Тот нагло гонял на скулах желваки, вперив глаза в портрет на стене. «Вчера тут никакого портрета не было!» Нынче с цветной картинки на Президента весело глядела. Сонечка Раиль. К плечам её льнули два курчавых мальчугана. Но мысль о невесте откуда свалившейся за ночь жене с детьми уже подпирала другая, страшная: - Мы что - воюем?! - Осмелюсь напомнить, - офицер зашевелил в папке бумаги, ища теперь новые первоочередные (понял, что Президент пока плохо соображает), - наши войска второй месяц отражают нападение армии Поликании. Дело худо - занята значительная часть наших западных областей. Сегодня состоится решающее заседание Генштаба, назначенное вами на 10 часов. Машина уже у подъезда, Владимир Дмитриевич. Адъютант оставил на прикроватном столике раскрытую папку и без разрешения вышел, беззвучно задвинув за собой створку двери. Забывший о головной боли Президент в полтора прыжка пересёк комнату и влетел в соседнюю спальню. Аккуратно заправленная нетронутая кровать подсказала верную мысль: никто на ней нынешней ночью не спал. - Бред, бред. Бред! Война с Поликанией - это самоубийство! Я ж не сумасшедший. И тут внезапно Президент вспомнил, что нечто подобное с его сознанием уже случалось. Давно, ещё в бытность молодым колхозным трактористом, Володька Тропинин ночью пахал зябь. К утру выполнил две нормы и с рассветом, едва не засыпая на ходу от усталости, давал отчёт подъехавшему на мотоцикле нормировщику. Говорил, а по лицу мужчины видел, что говорит что-то не так. И впрямь - после отчёта нормировщик взял парня под руку и подвёл к кромке поля: «Ну и где, - спросил он, широко поводя рукой, - результат? Ты что - проспал всю ночь?» Володька глянул на только что возделанное им поле и ахнул: от края и до края оно щетинилось нетронутой стернёй. От ночной работы не осталось и следа. Нормировщик тогда постукал пальцем по топливному баку загнанного за ночь железного коня и многозначительно пообещал: «А за сворованную солярку заплатишь». Тогда так и не понял тракторист - на каком же поле он вкалывал до ломоты в лопатках. И вот теперь. Бумаги в папке были железно убедительны: страна Президента без его ведома находилась в состоянии

войны с Поликанией. Сводки с фронтов, документы о снабжении войск, списки на награждение погибших офицеров и генералов, указ о внеплановой мобилизации. И нелепое требование министра сельского хозяйства о дополнительных объёмах семян и горючего для обеспечения сева в Брынской области. «Дур-рак! Область оккупирована, а он на другой планете живёт. Сместить его к чёртовой матери.». К Президенту волнами возвращалась жизненная энергия, он привычным жестом поправил на запястье Браслет Управления Ядерным Арсеналом и пошёл в душ. Через несколько минут Президент легко сбежал по ступенькам крыльца и сел на заднее сиденье услужливо распаханного перед ним длиннющего лимузина. Машина мягко заурчала и ужом выползла на проспект Мира. Пожилой водитель Корнеевич был единственным близким человеком Президента. Они ехали по жизни вместе ещё с колхозного прошлого, и Президент не видел на месте личного шофёра никого другого. Когда устроился поудобнее на сиденье, почувствовал в ногах что-то лишнее. Глянул через крутое пузо: на полке из-под туфель выглядывали ночные тапочки. Чёрт знает почему они оказались в салоне, а не в спальне.- Корнеич, ты сегодня не удивляйся, если я ляпну чего-то невпопад. Скажи честно - мы воюем с Поликанией? От неожиданности Корнеевич резко ударил по педалям: лимузин запнулся и шарахнулся в сторону. Водитель шумно отдышался и отёр взмокший лоб тыльной стороной ладони:- Ну-у. это. Нельзя ж так шутить с утра. У меня в Поликании младшая внучка Дашенька на инструктора по альпинизму учится. Коза. Он включил передачу и резко вклинился в дорожный поток. С тех пор как высшие чиновники и сам Президент отказались от синих мигалок на крыше, в поведении Корнеевича ничего не изменилось: он по-прежнему вёл себя хозяином на дороге. Не реагируя на отчаянные сигналы, он по встречной полосе обошёл грубоподобный внедорожник и занял крайнюю левую полосу:- Я вот только у киоска читал главную газету Поликании «Глобэл», так они там на первой полосе твой портрет тиснули. И статейку при ней: «Наш добрый сосед отказывается от третьего президентского срока». Что ты! - водитель отёр правым боком наглый внедорожник,

пытавшийся прорваться «поперёд батьки», как говорил в таких случаях Корнеевич, и продолжил: - Тебя, Володя, во всём мире уважают и хотят, чтобы ты подольше оставался нашим Президентом. А Поликания - наш первый друг, да куда ей воевать: без нашей нефти их королю на дрова перейти придётся. Что ты! Президент потоптался по тапочкам и опять осторожно спросил:- А. Югостополь разве не бомбили ночью? Он не успел сказать последнее слово, как лимузин снова чуть не вышел из-под воли водителя. Мимо и слева от водителя чёрной молнией проскользнул навязчивый внедорожник. Корнеевич отёр новую порцию пота со лба и недоуменно повернулся к пассажиру:- Я ж почти старик, нельзя со мной так. У меня ж в Югостополе вторая внучка, Юлечка, инструктором по альпинизму работает. Коза. Ничего с твоим Югостопом не случилось, весна там, люди работают и дурачатся. Вот получу отгулы - и сам рвану к морю и в горы. Он вновь резко разогнал машину и скоро лимузин проскользнул через Боровицкие ворота Кремля. Президент лишь успел заметить, что часовыми нынче стоят вместо сержантов два армейских лейтенанта. Корнеевич досадливо скривился, припарковав машину к заднему буферу чёрного внедорожника. Из наглой тёмной машины чёрным вороном выбрался сам Его святейшество Микула, Патриарх всея Евразии. Президент подождал, пока сумрачные крылья одеяний первосвященника скроются за парадными дверями - и пошёл следом. Патриарха гарант Конституции явно недолюбливал.

3.

С первых же шагов по широкому ковру лестницы Дворца Президент почувствовал суровый дух воюющей столицы. Вчера ещё яркие светильники по стенам нынче были задрапированы в прозрачные зелёные колпаки. Прямо со стены между этажами на Президента уставился с портрета его двойник в парадной генеральской форме. Вчера ещё президент на портрете козырял шароварами и расшитой народной рубашкой. Через каждые десять ступенек лестницы справа и слева истуканами стояли караульные в лейтенантской полевой форме. Снаружи утробно и траурно донёсся звон башенных

курантов: девять часов, начало нового трудового дня. Часовой старший лейтенант (обычно тут стоял прапорщик) взял под козырёк и молча распахнул перед Президентом двери. Владимир Дмитриевич Тропинин вошёл в главный кабинет страны. И сразу же понял, что верно оценить происходящее времени у него нет. Во всю длину гигантского полированного стола сидел полный армейский генералитет с министром обороны маршалом Аникеевым («Вчера он ещё был генерал-полковником. Впрочем, они все за ночь «подросли» на два воинских звания. С ума схожу, ёлки-метёлки! И Корнеич тоже надул меня, заботливый мой, - воюем ведь!» Президент энергично сел на своё место и швырнул перед собой папку, полученную час назад от адъютанта.- Ну-с, господа. С чего начнём? Маршал Аникеев поднялся, тяжело отдуваясь и опершись на стол. Он сказал, пересиливая зажим давившей его астмы:- Предлагаю провести армейскую операцию по вызволению с оккупированной территории вашей семьи, господин Президент. Для этого на столичном аэродроме уже подготовлен транспортный самолёт с группой обеспечения операции. Об этом подробнее отчитается начальник оперативного отдела Генштаба генерал-майор Кусков. («Это что за гусь? Батюшки, ещё недавно он был милицейским подполковником в моём родном райцентре! Это когда же я перетянул его в столицу, уголовного?») И пока Кусков вставал, Президент — осадил его:-

Отставить операцию. Садитесь, э... подполковник. А я в первую очередь попрошу обрисовать оперативную обстановку на театре военных действий начальника Генштаба генерал-лейтенанта Багринцева. По тому, как по кабинету прошелестел недоумённый говорок, Президент понял, что сморозил какую-то глупость. И впрямь, поднявшийся на его слова военачальник совсем не походил на привычного главного генштабиста. За столом стояла, теребя в пальцах странички блокнота, военная женщина. В ней Президент с изумлением узнал вчерашнего губернатора Югостополя Мелентину Матфеус. Она нервно тронула высокую холёную причёску и проговорила низко, по-мужски:- Начальник Генштаба генерал армии Матфеус, с вашего позволения. Она нервно пожевала губами и внезапно визгливо

полупрокричала:- Да бомбить их надо! Ядерными зарядами бомбить! Иначе завтра их передовые дивизии окажутся на окраинах столицы. Через весь стол змейкой проскользнул её взгляд к запястью Президента Браслетом Управления Ядерным Арсеналом. И все генералы проследили за этой змейкой. Мелентина Матфеус облизала враз пересохшие губы и замерла в ожидании отклика Президента. Неужели всё так плохо? - осторожно спросил Верховный Главнокомандующий. Поднялся совсем уж незнакомый человек с погонами генерал-полковника, назвался начальником Политуправления. Сказал, слегка заикаясь:- Выр... выражу общ-щее мнение, если ск-кажу, что в-весь истеблишмент (любимое слово сказал без запинки!) х-хотел бы в-видеть в-в-вы-ас Пре-президентом тр-тр.тр- т.- Третьего срока! - мужским голосом подсказала начальник Генштаба.- Третьего срока, - без нажима закончил заика и добавил: - В-вот свежая газета П-поликании «Глобэл». Он-ни Вас б-б-боятся! «Т-третий срок П-президента Троп-пинина - см-см-смерть для П-поликании!» - п-пишут они. Л-личный состав ар-армии уповаёт на яд-ядерный удар по врагу. Генерал сел. Пока он заикался, Президент узнал в генерале вчерашнего начальника столичной канализации со странной фамилией Басалай. Повнимательнее присмотревшись, Президент с изумлением угадал в нынешнем генералитете вчерашних неудачников из разных государственных учреждений. Бездельники, взяточники, угодники. Неужели он сам утвердил их на хлебных должностях защитников отечества? Вот так провалы в памяти! Впрочем, если дела столь плохи, то ястребы станут настаивать на ядерном ударе. Но ведь Корнейч утверждает, что никакой войны нет. И если я шмякну на Поликанию атомную бомбу, то в ответ получу такую же оплеуху. «Similia similibus curantur», как говаривали латиняне». И Президент хотел подвести итог:- У Поликании тоже есть ядерное оружие. Тут надо семь раз отмерить.- Да к-к-когда м-мерить-то? - взвизгнул Басалай. - У нас выб-боры на н-носу! Вы х-хотите, чтоб-б-бы к-коммунист-сты с-сли-ли нас в к-канал-лизац-цию?!- Лучшее ядерное оружие и по противнику, и по воле избирателей, - добавила по-мужски Мелентина из Генштаба. Но Президент веско ударил ладонью по столу:- Решение принимаю

я! И считаю, что такой удар преждевременен. Совещание закончено - разойтись! Однако команда Верховного зависла в воздухе. Ни один из генералов даже не шевельнулся. Они враз словно забыли о Президенте, начали разговаривать между собой, всё больше распаляясь и махая руками. Президент понял, что эти люди вопрос о ядерном ударе по Поликании уже решили положительно. Однако Браслет Управления оставался на запястье гаранта, и Владимир Тропинин оставил кабинет с ульем гудящих в нём воинственных генералов. А сумасшествие своё он решил проверить у Власа Силуянова.

4.

По дороге за город, за спиной Корнеевича, Президент впервые осознанно вернулся к воспоминанию, которого постоянно избегал. Дело в том, что Президент совсем не помнил, как он, собственно, сделался Президентом. Это был даже не провал в памяти - это было хуже. Для такого провала и места не было: 17 октября восемь лет назад Владимир Дмитриевич Тропинин на своём «седьмом» жигулёнке выехал по хуторской дороге в тракторный отряд, где работал бригадиром, а приехал уже в Кремль на лимузине сразу Президентом ядерной державы. И выдвижение на пост, и предвыборная кампания - всё осталось за рамками сознания. Хотя позже он смотрел хронику, поднимал газеты и документы, и вся эта масса информации подтверждала, что на протяжении целого года он - Владимир Дмитриевич Тропинин, ходил по лезвию опасной выборной кампании. Вот повторные выборы он помнит почасово - тут уже осложнений не случилось: за четыре года бывший колхозный бригадир сумел сломать хребет самостоятельности всей оппозиции и слева и справа. И безвольная эта масса привыкла жить на готовом - ей удобно оказалось жировать за спиной жёсткого Президента. И за это своё благополучие она готова даже развязать войну. Словом, у Президента был теперь стопудовый повод навестить колдуна Власа Силуянова. С этим атеистическим волхвом Президента познакомил всё тот же Корнеевич. Однажды после особенно обильного кремлёвского приёма и сопровождавшего его возлияния гарант чуть не умер на сиденье лимузина.

Тогда шофёр погнал машину прямо в дебри владимирских лесов и на руках вынес седока к замшелой землянке. Вышел здоровый дядька лет шестидесяти, стриженный под горшок. В длиннополом сюртуке и плотных полосатых штанах, босой. Он только приложил громадную, в трещинах, ладонь к голове болящего - и тот сразу заснул сном младенца. Через пару часов такого богатырского сна Президент проснулся совершенно здоровым. Вот тогда-то впервые за свою жизнь Владимир Тропинин пообщался с по-настоящему самостоятельным человеком. А самостоятельность Власа Силуянова - так он назвался - содержалась во всём его естестве. В жизни, обустройстве, манере поведения. Главное же - философия Власа не укладывалась ни в одну известную школу мировой мысли. Его парадоксальность резонировала с окружающим пространством и позволяла колдуну влиять на это пространство. Поэтому снятие похмельного синдрома для Власа было делом плёвым. Он тогда же почти на пальцах объяснил Президенту кажущуюся раздвоенность его личности и посоветовал напрочь отмести все сомнения в легитимности избрания:- Все мы ходим в окружении своих копий, - сказал тогда Влас. - Это тебе только кажется, что ты сейчас со мной тут разговоры разговариваешь. А я тебе скажу, что ещё сейчас тебя, а вернее, твой мыслеобраз, насилуют в дебатах депутаты парламента Поликании. И учти - их вольное обращение с твоим информационным двойником непременно скажется на тебе материальном. Они ведь вызывают на дипломатический конфликт именно тебя, а не твою волновую копию. А теперь представь, что сейчас твой мыслеобраз вожделеет какая-нибудь госпожа посол, и через эту волновую фикцию она непременно доберётся и до самого тела.- Ну, с подобной теорией я давно знаком - всё это укладывается в прокрустово ложе квантовой физики, где объект является одновременно собственно самим объектом и в то же время - информацией о себе самом... - пытался вставить слово Президент, но Влас протестующе вонзил в небо перст:- Именно прокрустово! Твоя квантовая теория признаёт наличие информационных двойников только у реально существующих, как их вы называете - корпускулярных структур. Я

же знаю, что это неверно. В вашем случае изображение в зеркале возможно лишь тогда, когда перед ним появляется материальный объект. В моём знании - изображение возможно от воздействия на зеркало мысли.

- Это как? - попытался понять Президент.- А очень просто! Ну вот хоть Господь Бог, например.- Но вы же называете себя атеистом!-

Не перебивай. Я в том смысле атеист, что знаю - никакого такого старика с белой бородой на облаке нет в природе. А есть и в природе, и в сознании миллионов людей образ этого старика, в том числе и в виде бородатого деда. И попробуйте сказать, что Бога нет, если он ЕСТЬ в сознании хотя бы одной забитой жизнью старухи! Или Печорин, например, вкупе с Остапом Бендером, у которых нет и не было телесного прообраза. А ведь это выходит за рамки квантовой физики! Более того, возможны бесчисленные волновые копии не только отдельных материальных объектов, но и целых миров.- Требую разъяснения!- Да сколько угодно! Вот

лично ты в зримом мире оставался простым колхозным бригадиром, а обитатели некоего мысленного информационного мира в это время выбрали тебя Президентом. Затем эти миры поменялись местами - колхозная страна стала для тебя мысленным прошлым, а та, в которой ты вошёл на престол, - зримым, корпускулярным миром.- И долго мне так суждено

мигрировать? - переспросил Президент. Влас подумал с минуту и махнул рукой:- Беда не в том, что ты способен порхать между мирами - это с

каждым из нас происходит постоянно, беда в том, что тебе дана власть на уничтожение обоих этих миров. Ведь если перед зеркалом уничтожить объект, то исчезнет и его изображение. На тебе особый знак, и завладеть им хотят очень многие! С тех пор Президент несколько раз побывал у Власа, хотя всякий раз возвращался со всё большими сомнениями. Оставалась в колдуне некая особая сущность, ускользавшая от собеседника. Однако он снимал похмелье, и поэтому длинный лимузин президента время от времени появлялся во владимирском лесу. Теперь был как раз тот случай. Ломило в башке и после вчерашнего приёма, и от событий дня, и от недавнего общения с генералами. Корнеевич, лавируя в рывтинах и пропуская пробегающие

перед капотом дерева, говорил через плечо:- Слетаю в воскресенье в Югостополь. Там нарисовалась интересная экскурсия на вершину Ай-Петри. Внучка зовёт. Коза. Давай вместе, Володя, а то ты заработался. И вообще, жениться тебе пора. да хотя бы вот на той самой Сонечке в ранге посла - она за тобой шлейфом следует. А ещё лучше - на любой моей племяннице. Президент тронул пальцами виски и почти простонал:- Ну не надо на большую мозоль. Не пропусти лучше поворота к землянке.-

Не беспокойся, господин Президент!. Вот раздвоенный дуб, вот последний поворот направо. Опа! - Корнеевич даже выпустил руль и указал пальцем в правый угол лобового стекла: - А нас уже опередили! Президент с усилием приподнялся с ушедшего под ним на ухабине сиденья и увидел впереди, перед землянкой, большой чёрный внедорожник. «Какой-то чёрт принёс к атеисту Власу Патриарха всея Евразии Микулу?» У Президента занял запущенный зуб, и кабы не война с Поликанией, он велел бы повернуть обратно.

5.

Они сидели вокруг одноногого столика на пеньках - Патриарх, как ворон, разметав чёрные крылья, и Влас вроде воробья в своём сюртуке. Спорили, но примолкли, когда подошёл Президент. Прогнувшись рукой за спину, Влас извлёк из ниоткуда треногую табуретку, и новый гость тоже присел. Патриарх, набычившись, свирепо резал зрачками из узеньких отверстий на заросшем лице всю поляну, а Влас легко сказал:- Вот, владыка не ко мне приехал, а к тебе, Президент. Я, признаться, как увидел его гроб на колесах, то подумал, что его на богословский спор потянуло. нужен ему Бог, как зайцу курево. А, кстати, именно попы используют мысле образ Бога на всю катушку. Как они Ему прикажут, так Он и поступает, ибо сотворили Бога по образу своему. Думал, Патриарх об этом со мною поспорит. Нет, говорит, не за тем приехал, дождусь гаранта и воздействую. И деньги мне давал, чтобы я тебе подсказал хлопнуть бомбой по Поликании.

Президент плотнее придавил табуретку - ножки мягко вошли в грунт по самые перемычки - и сердечно спросил Патриарха:- Вам-то зачем война, владыка? Сказано ведь - не убий. Патриарх встрепнулся и движение волнами пошло по его крыльям. Ещё миг - и он накроет своей тенью поляну. Не накрыл, но скрипуче и назидательно заговорил:- Вы в Кремле избегаете встречи. Вот и вынужден поджидать тут. Во спасение державы. Во утверждение истинной веры в народах Поликании.- Посредством атомной бомбы?- Сказано: судить буду всякого по делам его!- Чем же они вам так не угодили? Патриарх немного успокоился и буркнул:-

Не мне, а вам, Владимир Дмитриевич. Президент впервые с интересом посмотрел на монашествующего:- Мне-то как раз соседняя страна ничем не досаждала, - начал он, но Патриарх властно («Что-то даёт ему силу говорить со мной, как с мальчишкой») одёрнул Президента: - Поликания нанесла вам личное оскорбление: не далее как час назад в Югостополе взята в заложники ваша жена София Лазаревна со чадами.- Но я не женат! - отчаянно прокричал Президент. Патриарх скорбно и устало указал Власу рукой на гаранта Конституции:- Прости ему, Господи, ибо не ведает, что несёт нам тут в своём безумии. Хоть бы вы, Влас Андронович, вразумили неверующие чадо. Сказано ведь в Писании: что соединено Богом, не может быть разъединено человеком. Вот уж впрямь страдалец: ему дали оплеуху по левой щеке, а он подставляет правую! И, резко повернувшись к Президенту, Патриарх попросту заорал ему в лицо:- Бомбой их, негодяев, бомбой, пока они не зарезали твою бабу с детьми! («Точно: генералы дали ему полномочия сломать меня - отсюда такая смелость. Однако и я не лыком шит: пока Браслет Управления у меня, они бессильны»). - Да я холост, и никакой войны с Поликанией в природе не существует!- Этого не подтвердит никто, - укоризненно начал Микула, но Президент резко перебил:- Нет, подтвердит. Вот колдун Влас подтвердит. Мой шофёр Корнеич подтвердит. В машине газета «Глобэл» осталась - она тоже подтвердит. Едемте в столицу - и всякий нормальный человек на улице подтвердит! Мне что - всех этих людей подводить под ответный ядерный

удар? Ради вашей призрачной религиозной миссии и ради подконтрольных рынков сбыта для наших толстосумов!.. Слуга покорный! Я приехал в эту чащобу за духовной опорой, а нашёл ещё большие сомнения. Влас, Влас, как же ты меня обманул в моих ожиданиях! Резко поднявшись - табуретка косо выдернулась из грунта, - Президент — аршинными шагами проследовал к машине. Сизо пыхнув дымком, машина резко взяла и скрылась за деревьями. Ворон и воробей у пенька ещё с минуту посидели молча, и ворон сказал:-

Сухие крошки на твоём столе, брат. А на моём пития и яства в изобилии. У меня же питаются многие, и ныне кесарь не отворотится от стола моего к твоему скудному, и потому воля земного владыки да в моём доме куётся.

С тем и отбыл с поляны в своём мрачном автоэкипаже. А Влас жёсткой ладонью смахнул со стола остатки хлеба и метнул их в широко раскрытый рот. Пережевал и сказал, глядя на захмаревшее небо:

- Труды наши праведные питают нас. Не подавился бы ты, владыка, дармовыми многими яствами.

6.

Корнеевич гнал лимузин на предельной скорости. Президент велел немедленно привести себя в посольство Изгонии. Только Сонечка Раиль могла объяснить раздвоившемуся в сознании Президенту, кто она - его жена или посол? Отсюда должно проистекать решение - бомбить Поликанию или считать её верной союзницей в противостоянии Соединённой Коморре.-

Включи-ка, брат, радио! - попросил Президент, и сейчас же динамик начал рассказывать о ходе полевых работ, о строительстве высокогорного лыжного катка и о том, что верный Конституции, Президент Тропинин не выдвигает своей кандидатуры на незаконный третий срок. Радио вещало в режиме совершенно мирного времени и лишь сообщение из той самой Северной Америки тревожило: там поставили на вооружение совершенно секретные дисколёты с неограниченным радиусом полётов. Зато Поликания

закупила у нас серию новейших военных вертолётов и «. готова стать надёжной преградой на пути возможного продвижения войск Коморры на восток». Президент явно почувствовал, как Браслет Управления стал жечь запястье. Он с трудом гасил в себе желание снять его и выбросить в приоткрытое окно. Корнеевич же весело болтал, строя планы на свои весёлые выходные. Для него не было вопроса: счастливая страна со своим счастливым президентом жила под мирным небом и гарантом этому миру был пассажир на заднем сиденье лимузина. Только жаль, конечно, что седок отказывается от третьего президентского срока...- Какие наши годы,

Володя! Да мы через один президентский прыжок вернёмся в Кремль, ещё и женимся к тому ж. Да вот хоть на моей третьей племяннице - на Аннушке. Она у меня в Министерстве туризма альпийским отделом ведаёт! Коза. Машина свернула в столичную улицу и уверенно обошла справа большой чёрный внедорожник. Через двадцать минут президентский лимузин проскользнул в створки ворот посольства Государства Изгония. Сама госпожа посол, в приличествующем случае строгом женском костюме, приняла высокого гостя. Чёрные ребята из службы протокола провели их в залу для приёмов, и хозяйка с гостем уселись в роскошные расчехлённые кресла напротив друг друга. Наличествующие всегда при госпоже посол и при этом почти незаметные люди наполнили их фужеры, и хозяйка приёма лукаво подняла свой:-

Всегда рада видеть руководителя великой державы в стенах посольства. Это свидетельствует о духе дружбы и сотрудничества между нашими народами! Она внезапно понизила голос и зашептала, зажимая рот и лучась сияющими глазами:- Володька. ты восхитителен! Такой ночи, как нынешняя, у меня в жизни не бывало. я ещё не отошла от твоих ласк и поцелуев! Она убрала от губ ладонь и громко официально продолжила:-

Правительство Изгонии всегда находится на вашей стороне в глобальном споре с Соединённой Коморрой. Вы можете рассчитывать на нашу помощь во всех сферах нашего сотрудничества. - И опять - шёпотом: Я сумасшедшая, да? Президент поглядел сквозь фужер на просвет и ответил:- Да нет. Это я сумасшедший. У нас ведь двое детей,

не так ли? Теперь на свой фужер посмотрела госпожа посол. Горькая складка отметилась в уголке её рта:- Увы, Володя. Медики сказали, что насладиться счастьем материнства мне не дано - я бесплодна. Может, - она посерьёзнела и плотнее уселась в кресле - от этого я и пускаюсь с тобой во все тяжкие. Такая жена, как я, никому не принесёт счастья. А уж тебе, молодому и здоровому тем более. Однако я хотела поговорить о поставках оборудования для нашего подводного флота, - снова перешла на деловой тон госпожа посол, но Президент поднялся и вышел вон, оборвав аудиенцию. Он теперь твёрдо понял, что никакой войны нет. Представление о ней - это фантом, мыслеобраз. И другой фантом - волновая сущность его генералов - требует нанести по настоящей Поликании настоящий ядерный удар. То есть - чудовищный мыслеобраз войны вырывается в реальную жизнь. И граница этих двух миров сошлась в сокрушительной силе его Браслета. Говоря языком физиков, перевести беду из волновой сущности в корпускулярную было теперь в его, и только в его власти. Он, колхозный бригадир Володька Тропинин, становился единственным гарантом мира. И слава Богу, что ему в последний момент хватило сил вернуться к реальности. «Да, - окончательно определился он, - никакой войны нет. А чтобы впредь не сходить с ума - надо жениться. Но только не на бездетной Сонечке. да вот хоть на одной из племянниц Корнеича. А что - девки деревенские, сочные, плодовые. Да и никакие злодеи на них не польстятся». Окончательно выздоровев, в хорошем настроении, Президент опустился на заднее сиденье лимузина. Корнеич отсутствовал, видимо, отлучился за газетами. Президент ногой отодвинул в сторонку вездесущие комнатные тапочки на полке и слегка задремал, откинув голову. Наглый взъерошенный воробей с той стороны стекла старался достать клювом остатки торта на задней панели. Разбудил его эфирный шорох и треск. Президент встрепнулся и услышал из динамика, подключённого к шоферскому мобильному телефону, отчаянный женский голос:- Дядька, это твоя племянница Юля! У нас тут в Югостополе чёрт-те что творится - альпийские стрелки из Поликании расстреливают город из орудий, а нашу группу альпинистов взяли в заложники! Алле, алле! Дядька

они пять миллионов выкупа за меня требуют, гады! Дядька. дядька, ну подними ты трубку!.. Козёл. И телефон замолчал. Даже не мысль, а какая-то волна коснулась сознания: «Надо срочно справиться о других племянницах Корнеича - вдруг не всё так безнадежно?». Но волна бесследно отхлынула, и мысль о гудящей войне враз придавила к сиденью. Президент въяве уменьшился в размере, а всю машину заполонил серый сумрак. Браслет передавил руку и буквально прожигал кость. Володька Тропинин рывком открыл дверь, чтобы убежать. Но дверь раскрылась лишь частично, упершись в препятствие. Президент лишь глянул на это препятствие - и его отбросило назад, к комнатным тапочкам.

Больной зуб воспламенил челюсть, и жар кинулся в мозг, расколов голову надвое. Выйти ему мешал большой чёрный внедорожник.

В.У. Калущий